

Разрыв непрерывности

Владимир Мау

ТРАНСФОРМАЦИЯ общества из одного состояния в иное может принимать множество форм, и эта смена качественных характеристик нередко обуславливает использование термина «революционный». Однако таковой трансформацию можно признать лишь в зависимости от результатов: они предполагают смену качественного состояния системы, в данном случае общества. Такое широкое понимание мало чем помогает осмыслить те или иные события, претендующие на статус революционных. Очевидно, что помимо самой глубины преобразований важен еще и механизм их осуществления.

Традиционно революции трактовались как насильственные смены режимов, связанные с возникновением новой элиты и наличием новой идеологии. Нам представляется, что опыт посткоммунистического транзита требует пересмотра этой дефиниции. Да, революция представляет собой радикальную, системную трансформацию общества. Однако роль насилия, изменения элиты и идеологии не должна абсолютизироваться. Гораздо более важной характеристикой полномасштабного революционного перехода является то, что она осуществляется в условиях резкого ослабления государственной власти. Политическим проявлением этого кризиса является острый конфликт элит (и основных групп интересов вообще), отсутствие между ними консенсуса по базовым ценностям, по ключевым вопросам направления дальнейшего развития страны. Для экономистов же слабость власти проявляется прежде всего в финансовом кризисе государства, в его неспособности собирать налоги и балансировать свои расходы со своими доходами.

Именно слабость государственной власти обуславливает стихийный характер протекания экономических и социальных процессов, что, в свою очередь, делает великие революции удивительно похожими друг на друга как по фазам разверты-

вания экономического и политического кризиса, так и по базовым характеристикам. Общественное развитие вдруг оказывается результатом не чьих-то целенаправленных воздействий (иногда более, а иногда менее эффективных, но все же осмысленных), а результатом действия разнообразных интересов, ведущих страну в разных направлениях, что предопределяет стихийный характер дальнейших событий. Но здесь же наблюдаются и закономерности, делающие великие (полномасштабные) революции столь похожими друг на друга.

Именно стихийность, а не насилие является конституирующим признаком революции. Насилие, несомненно, также имеет место. Острый конфликт основных групп интересов, невозможность найти общий язык по фундаментальным вопросам жизни страны делают практически неизбежным использование силы для навязывания определенной системы ценностей, по которой оказывается невозможно договориться при помощи обычных (легитимных на данном уровне развития страны) процедур. Однако уровень насилия не поддается внятной оценке, тем более количественной. Кто способен оценить, сколько нужно насилия, чтобы данная трансформация была признана революционной? Вряд ли можно согласиться с тем, что более великими являются более кровавые революции. Эти основания становятся еще более зыбкими, когда мы переходим от аграрных стран к анализу революционных событий в урбанистических обществах. По мере роста общего уровня социально-экономического развития (а вместе с ним образования, культуры, материального благосостояния) роль насилия в принципе снижается, потому что населению «есть что терять».

Смена элиты в ходе революции, несомненно, происходит. Однако ее не следует смешивать с немедленным физическим устранением представителей элиты старого режима (на эшафот, в эмиграцию или отставку). Здесь надо учитывать два обстоятельства. Прежде всего, радикальность обновления элиты, как правило, сильно преувеличивается историками революций¹. При обращении к высказываниям современников этих событий почти всегда сталкиваешься с жалобами на сохранение у власти многих представителей старой элиты. Причем подобные жалобы характерны даже для таких, казалось бы, радикальных потрясений, как Великая французская революция. Лишь по прошествии времени ситуация меняется.

1. На это обращал внимание Дж. Голдстоун. См.: *Goldstone J. A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkley: University of California Press, 1991. P. 296.

Более важен другой аспект данной проблемы. Смена элиты не должна в принципе отождествляться с представляющими ее физическими лицами. Новая элита — это готовность людей действовать в новых обстоятельствах, играть по новым правилам, в новой логике. К этому могут приспособиться как выходцы из старой элиты, так и новые лица. Вряд ли от того, что епископ Оттенский был представителем старой элиты, Талейран не являлся ярчайшим представителем нового режима. Равно и присутствие В. Черномырдина (министра и члена ЦК КПСС) в высших слоях советской номенклатуры не умаляет его роли в становлении новейшего российского капитализма. Словом, роли важнее происхождения.

Аналогичные рассуждения применимы и к вопросам трансформации собственности. Аргументы смены собственника, несомненно, важны, но их не следует абсолютизировать. Гораздо важнее не физическая смена собственника, а смена формы собственности. Важный пример дает в этом отношении английская революция середины XVII столетия. Большинство исследователей считают ее непоследовательной, половинчатой, поскольку она не сопровождалась радикальным переделом собственности, а аристократия в значительной массе сохранила свои позиции. Особое удивление вызывает склонность лидеров революции, фактически конфискуя у роялистов земельные владения, перепродавать их старым владельцам. Из виду, однако, упускался тот факт, что после перепродажи это уже была другая собственность — частная, освобожденная от старинных феодальных обязательств, составляющая основу для будущего капиталистического общества и обеспечивающая необходимую социальную базу для будущего экономического роста. Аналогично развивалась ситуация и в России, где после начального этапа приватизации значительная часть собственности оказалась под контролем директоров предприятий, а затем постепенно переходила в другие руки.

Не следует преувеличивать и роль новой идеологии. Революция, несомненно, связана с идеологией, однако связь эта более сложная, чем принято думать. Революция не навязывает обществу новую идеологию. Напротив, она происходит тогда, когда общество (и прежде всего элита) оказывается захвачено новой идеологией, новыми представлениями о «правильном» общественном устройстве. Просвещение, идеология «естественного порядка» и «духа законов» сформировали основу французской революции и общую базу деятельности практически всех революционных и постреволюционных правительств. Для рубежа XIX–XX веков были характерны кризис системы рыночной демократии и утверждение в мире идеологии индустриализма,

монополизма и этатизма. Современные посткоммунистические преобразования в полной мере вписываются в победившую в цивилизованном мире к началу 1980-х годов систему экономико-политических воззрений и ценностей, основанную на либерализме и индивидуализме, символом которой стал знаменитый тезис Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории»². Словом, доминирующая идеология эпохи задает общие рамки революции вообще и ее экономического измерения в частности.

В нашем представлении революция, таким образом, выступает как системная трансформация общества в условиях слабого государства. Это определенный механизм социальной перестройки, прохождения через системный общественный кризис и адаптации к новым вызовам эпохи. Возможны и другие механизмы адаптации — постепенные реформы, осуществляемые старым режимом, завоевание иностранным государством и, наконец, «революции сверху». Однако общей чертой всех этих механизмов трансформации, отличающей их от революции, является наличие сильной власти (национальной или оккупационной), обеспечивающей контроль за характером и ходом реформ. Здесь нет места хаотической борьбе сторон, сохраняющих условный паритет сил, с неясным политическим исходом. Борьбе, делающей всю общественную жизнь в высшей степени неопределенной — как в краткосрочной перспективе, так и в плане стратегическом. Эта неопределенность, обусловленная политической борьбой, в значительной мере предопределяет облик революционного общества, включая экономические механизмы революционной трансформации.

* * *

Главной целью российской политики в XX веке (как в начале, так и в конце столетия) являлась модернизация или, точнее, сокращение разрыва с наиболее развитыми странами мира и выравнивание с ними по уровню социально-экономического развития, традиционно измеряемому показателем среднедушевого ВВП. Эта задача была центральной для России на протяжении последних трех веков. По крайней мере со времен Петра I страна пытается осуществить модернизацию и преодолеть отрыв, который разными наблюдателями оценивается в примерно 50 лет от уровня таких стран, как Франция и Германия.

На рубеже XIX–XX веков решением задачи ускоренной модернизации пришлось заняться всерьез. Поражение в Крымской войне не оставляло сомнений, что вопрос об индустриализации

2. См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ; Полиграфиздат, 2010.

тождествен сохранению Россией позиции самостоятельного игрока в мировой политике. Александр II начал осуществление комплекса политических реформ, за которыми позднее (в основном при его преемниках) последовали реформы экономические — бюджетная, налоговая, денежная, внешнеэкономического регулирования. Результатом предпринимавшихся усилий стало ускорение темпов роста промышленности, которые приблизились в 1890-е годы к 10%.

Механизм индустриализации был понятен. Можно выделить два важнейших фактора решения этой задачи. Во-первых, источником средств для индустриализации было крестьянство. Россия была крупнейшим экспортером зерна (45% мирового рынка). Продукция сельского хозяйства являлась главной статьей экспорта и, соответственно, валютных поступлений в страну. Высокие налоги позволяли выкачивать из деревни огромные средства, которые перераспределялись в пользу промышленности. «Неодоедим, а вывезем» — этот тезис министра финансов И. А. Вышнеградского выразил суть отечественной индустриализации на десятилетия вперед, хотя никто более не смел формулировать его столь откровенно. К этому надо добавить, что российские элеваторы находились тогда в собственности Государственного банка, что предопределяло характер налоговой политики страны.

Кстати, именно фискальный фактор надо принимать во внимание, объясняя причины длительного сохранения общины в российской деревне. При помощи общины С. Ю. Витте пытался решать чисто фискальные задачи — выкачивать из деревни налоги. Способность старых институтов играть новую роль, то есть обеспечивать модернизацию, не следует преувеличивать. За сохранение старых форм стране все равно приходится платить, и иногда несоразмерную цену. Возвращаясь к примеру с общиной, можно предположить, что более ранняя ликвидация этого института способствовала бы ускорению развития капитализма в российской деревне и, возможно, предотвратила бы революцию (или ее развитие по наиболее катастрофическому сценарию). Желание правительства упростить решение текущих налоговых проблем обернулось системным кризисом и крахом страны.

Во-вторых, ускоренная индустриализация, по мнению многих экономистов того времени, требовала активной роли государства для стимулирования экономического роста. В отличие от стран — пионеров индустриализации (Англии, Голландии, Франции), Германия, а вслед за ней и Россия опирались в экономике на административный ресурс государства. Он был нужен, чтобы компенсировать институциональные провалы слаборазвитой страны — отсутствие надежных банков, кредитных историй коммерческих компаний, узость внутреннего рынка. Госу-

дарство становилось источником финансовых ресурсов и спроса на продукцию промышленности. Государственные банки и бюджет превращались в ключевые институты, обеспечивающие экономический рост.

Однако главные условия ускоренной модернизации должны были обеспечиваться политикой. Три первых премьер-министра России — С. Ю. Витте, П. А. Столыпин и В. Н. Коковцов — видели блестящие экономические перспективы России при условии сохранения мира (внутреннего и внешнего) на протяжении примерно двадцати лет. Устойчивый экономический рост в мирных условиях позволил бы решить базовые задачи индустриализации и выйти из чреватой революцией «зоны турбулентности».

Данные исторической статистики свидетельствуют, что революции происходили в странах сопоставимого среднедушевого ВВП. Иными словами, показатель этот в Англии середины XVII, Франции конца XVIII, Германии середины XIX, Мексики и России начала XX века был примерно одинаков, а значит, одинаковы были структура ВВП и занятости, уровень грамотности и другие социально-экономические характеристики данного общества. Таблица показывает сопоставимость этих данных, равно как и скорость, с которой Россия начала XX века уходила из «зоны турбулентности».

Уровень ВВП на душу населения в периоды революций
(в долларах США 1990 г.)

Страна	Год начала революции	ВВП на душу населения
Англия	1640	около 1200
США	1774	1287 (данные 1820 г.)
Франция	1789	1218 (данные 1820 г.)
Германия	1848	1476 (данные 1850 г.)
Россия	1905	1218 (данные 1900 г.)
Мексика	1911	1467 (данные 1913 г.)
Россия	1917	1488 (данные 1913 г.)

На рубеже XIX–XX веков С. Ю. Витте обращал внимание на основные направления стимулирования экономической модернизации. Будучи тонким аналитиком, он подчеркивал, что «в стране, в сущности, капиталов гораздо больше, но они вследствие различных причин не все помещаются в промышленные предприятия»³. Именно поэтому основное внимание предлагалось

3. Витте С. Ю. О положении нашей промышленности. Всеподданнейший доклад министра финансов // Историк-марксист. 1932. № 2/3. С. 135.

уделять стимулированию превращения сбережений в инвестиции, а для этого — поощрению предпринимательской активности народа и привлечению иностранного капитала. А ведь «история всех современных богатых стран показывает, что первоначально развитием своей промышленности они были обязаны в значительной мере притоку иностранных сбережений и предприимчивости иностранных капиталистов»⁴. Министр финансов предлагал снять ограничения, существующие при открытии акционерных обществ с русским и иностранным участием, а также призвать региональные и местные власти перестать чинить препятствия деятельности бизнеса: «Как бы ни был изменен законодательной властью порядок открытия и эксплуатации фабрично-заводских предприятий, последние будут всегда в значительной зависимости от многочисленных местных властей, начиная от урядника и восходя до генерал-губернатора, и эти местные влияния могут быть полезны и благотворны только тогда, когда все органы власти проникнутся убеждением, что развитие промышленности есть благо с государственной и народнохозяйственной точек зрения и что всемерная помощь ей входит в круг их и служебных, и нравственных обязанностей»⁵.

В 1917 году произошел срыв в революцию. Последовали годы кризиса и нестабильности. Но после восстановления государства и экономики перед постреволюционным правительством вновь встали те же задачи ускоренной индустриализации. Правда, большевики воспринимали вызовы более жестко, нежели царское правительство. С одной стороны, они видели себя в кольце враждебных государств и упорно готовились к войне, а для этого индустриализацию надо было провести в предельно сжатые сроки («Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»⁶). С другой стороны, кошмаром большевиков было социальное перерождение власти. Они были уверены, и небезосновательно, что органичный экономический рост приведет к укреплению частного сектора как более конкурентоспособного по сравнению с госпромышленностью, и это в конечном счете уничтожит большевистский режим. Именно поэтому они стремились ограничить рост в сельском хозяйстве, обеспечив максимальное расширение городской промышленности, рост числа городских рабочих, жизнь которых, в отличие от крестьян, полностью зависела от государства.

Эти два фактора обусловили решительные шаги по проведению индустриализации, которая по сути своей была той же, что и на рубеже XIX–XX веков: перекачка средств из деревни, вос-

4. Там же. С. 137.

5. Там же. С. 138.

6. Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 29.

становление общины, доминирующая роль государства. Но то была индустриализация беспрецедентно жесткая по форме, платой за которую стали миллионы человеческих жизней. Революция завершилась, и страна вернулась к решению оставленных в 1913 году проблем. Построенное в результате общество оказалось, однако, исключительно ригидным, плохо реагирующим на новые вызовы времени. Поэтому, когда страна столкнулась с вызовами постиндустриальной эпохи, ее государственные и экономические механизмы не смогли найти адекватный ответ. В стране произошла вторая за столетие революция.

* * *

Особенность посткоммунистической трансформации России состоит в переплетении нескольких различных, хотя и взаимосвязанных кризисов и, соответственно, нескольких трансформационных процессов. Речь идет, во-первых, о структурном кризисе индустриального общества, столкнувшегося с постиндустриальными вызовами; во-вторых, о макроэкономическом (финансовом) кризисе; в-третьих, о посткоммунистической трансформации; в-четвертых, о революционном характере этой трансформации. Последний фактор отличает Россию от большинства других посткоммунистических стран, однако не является уникальным в истории. Революция в современной России может быть рассмотрена в контексте других великих революций прошлого, и это сопоставление многое дает как для лучшего понимания особенностей развития посткоммунистической России, так и для осмысления других революций⁷.

Даже поверхностный взгляд на события последних пятнадцати лет в России и сравнение их с великими революциями прошлого позволяют отнести нашу трансформацию к данному классу явлений. Это касается прежде всего логики развертывания кризиса коммунистической системы, движения от одной его фазы к другой. Знаменитая работа Крейна Бринтона «Анатомия революции»⁸, написанная в 1930-е годы и посвященная сравнительному анализу английской, американской, французской и русской (большевистской) революций, будь она своевременно (где-то в конце 1980-х годов) переведена и издана в СССР, могла бы стать настольной книгой по политическому прогнозированию. Схожесть фаз⁹, специфики политической борьбы, эко-

7. Этот вопрос подробно рассмотрен в кн.: *Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. От Кромвеля до Путина.* 2-е изд. М.: Вагриус, 2004.

8. См.: *Brinton C. The Anatomy of Revolution.* N.Y.: Vintage Books, 1965.

9. Можно выделить следующие основные фазы революционного процесса: «розовый период» (или «медовый месяц»), когда все силы объединены вокруг

номических процессов прошлого и нашего настоящего поразительны и весьма полезны для осознания характера и направления осуществляемых перемен. Аналогии, разумеется, ничего не доказывают. Однако они позволяют увидеть проблему и поставить вопрос о механизмах, обуславливающих возникновение подобных аналогий.

Влияние революции на дальнейшее развитие экономической и политической систем страны является одним из наиболее дискуссионных и идеологизированных вопросов на протяжении вот уже полутора веков. Исследователями высказывались три возможные принципиальные точки зрения на этот вопрос. Первая: революция становится катализатором экономического прогресса, освобождая экономику страны из пут прежнего режима. Понимание революции как локомотива истории — отнюдь не марксистская новация, такая ее трактовка высказывалась еще французскими либеральными историками первой трети XIX века. Вторая: революция не оказывает особого влияния, поскольку основной тренд развития фактически закладывается еще при старом режиме, — тезис, восходящий еще к Токвилю¹⁰. И наконец, третья, консервативная интерпретация, в соответствии с которой революция негативно влияет на развитие страны¹¹.

Разумеется, история знает примеры, иллюстрирующие все три варианта развития. К тому же очевидна крайняя условность построений подобного рода, поскольку в истории почти никогда нельзя поставить реальный эксперимент и ответить на вопрос: «Что было бы, если...». Остается лишь сравнивать развитие отдельных стран друг с другом в сопоставимые исторические эпохи. Несомненно одно: характер постреволюционного общества, его социально-политический облик в немалой степени зависят от хода самой революционной трансформации. Именно здесь формируются и конституируются новые группы интересов и элитные группировки, именно здесь закладывается новая система отношений собственности.

задачи ниспровержения старого строя, а у власти находится чрезвычайно популярное «правительство умеренных»; поляризация, размежевание социально-политических сил, приводящие к краху «правительства умеренных»; радикальный период, когда происходит окончательный слом старой системы и возвращение назад становится невозможным; Термидор (если пользоваться известным термином Великой французской революции), закладывающий основы для укрепления государства и стабилизации системы; посттермидорианская стабилизация и выход из революции.

10. Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.

11. Подробнее см.: Hirschman A. The Rhetoric of Reaction. Cambridge, MA; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1991.

Хотелось бы обратить внимание только на один аспект влияния революции на дальнейшую эволюцию страны, связанный с уровнем социальной конфликтности. Наличие непримиримых противоречий между ведущими группами интересов является основным источником нестабильности, невозможности власти осуществлять сколько-нибудь последовательный политический и экономический курс. Однако было бы неверным делать из этого вывод, что наиболее благоприятный для развития страны результат достигается тогда, когда после революции формируется общество, где конфликт групп интересов максимально сглажен. Подобные позиции характерны для многих историков и политологов, особенно придерживающихся марксистских взглядов.

Наиболее показательно в этой связи сравнение английской и французской революций. Первую принято считать неоконченной, половинчатой, поскольку в результате была сохранена земельная аристократия, в значительной мере связанная со старым режимом. Французская же революция привела к гораздо более глубокой трансформации отношений собственности, в первую очередь земельной, и открыла широкое поле для быстрого политического укрепления предпринимательских классов, прежде всего промышленников и банкиров. Реальное развитие событий, однако, требует внести в этот вывод существенные уточнения. Именно в Англии с ее противоречивой постреволюционной социальной структурой, с острым конфликтом между ведущими группами интересов была создана благоприятная почва для начала экономического роста, приведшего к промышленной революции. Борьба между фритридерами (промышленниками) и протекционистами (землевладельцами) заложила основу главного экономико-политического противостояния, на протяжении почти двух веков державшего в напряжении элиту. Экономическая конкуренция порождала политическую, что не позволяло ни одной социальной группе «подмять под себя» государство и использовать политическую власть в узкокорыстных интересах.

Во Франции же после революции возник механизм торможения экономического роста: все основные группы были заинтересованы в протекционизме. За это выступали и крестьяне, и промышленники, и финансисты. Подобная коалиция выдержала испытание реставрацией и новой революцией, поскольку ни одно правительство не решалось вступить с ней в конфликт¹². Результат налицо — вплоть до 1850-х годов продолжа-

12. Пожалуй, наиболее красноречиво глубину выражают сатирические зарисовки Ф. Бастиа и прежде всего его памфлет «Прошение фабрикантов саль-

лось экономическое отставание Франции от Англии¹³. Причем такое развитие событий вполне согласуется со сделанным нами выше выводом о том, что изменение характера (формы) собственности гораздо важнее смены собственника. Аналогичные примеры можно было бы привести и из истории других стран и революций, что позволяет сформулировать по крайней мере одну чрезвычайно важную гипотезу: если формирование консенсуса относительно базовых общественных ценностей является главной предпосылкой выхода страны из революции и обретения ею устойчивости, то отсутствие конфликта по вопросам экономической политики выступает источником застоя и консервации экономической отсталости.

* * *

В основе экономических проблем, характерных для революции, лежат политический кризис и вызываемый им рост транзакционных издержек. Можно выделить ряд факторов, снижающих стимулы предпринимательской деятельности и ограничивающих возможности экономических агентов оценивать перспективы принимаемых ими решений. Во-первых, неясность перспектив нового экономического порядка, что особенно сказывается при перераспределении собственности, когда новые собственники не могут оценить надежность полученных ими приобретений. Во-вторых, уже в начале революции происходит резкая ломка институциональной структуры революционного общества, то есть «правил игры», по которым привыкли действовать экономические агенты. Наконец, в-третьих, слабое государство не способно обеспечить исполнение законов и контрактов, а потому предприниматели должны идти на дополнительные затраты для подтверждения надежности сделок. Эти проблемы обостряются во время гражданских войн, сопровождавших все великие революции прошлого. В результате предприятия «склонны избирать краткосрочную стратегию», а «самыми выгодными занятиями становятся торговля, перераспределение или операции на черном рынке»¹⁴. Причем торгово-посредническая деятельность хотя и оказывается эффективней производ-

ных и стеариновых свечей...» (Сэй Ж.-Б., *Бастия Ф.* Трактат по политической экономии. М.: Дело, 2000. С. 89–93).

13. Подробнее об этом см.: *Crouzet F.* Britain Ascendant: Comparative Studies in Franco-British Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *Idem.* France // The Industrial Revolution in National Context: Europe and the USA. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

14. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 92.

ственной, все равно несет значительный ущерб от нестабильности «правил игры».

Рост транзакционных издержек стал важнейшим фактором ухудшения экономической ситуации во всех революциях, начиная с английской, когда революционные процессы протекали относительно сглажено, а надежность прав собственности обеспечивалась в большей мере, чем в последующих революциях. Естественно, во всех последующих революциях проблема транзакционных издержек влияла на развитие событий еще сильнее.

Особенно остро названные проблемы стоят в современной России, причем вплоть до настоящего времени. Низкая конкурентоспособность российских предприятий в значительной мере связана именно с неспособностью государственной власти обеспечить стабильность условий хозяйствования, и прежде всего исполнение законодательства (law enforcement). Коррупция в государственном аппарате и коррупция в суде являются на сегодня важнейшими препятствиями развития российской экономики. Предприятия вынуждены закладывать в издержки своеобразные «затраты на исполнение закона» (на осуществление правосудия, на получение благоприятного решения в госаппарате), что не только ведет к росту издержек, но и существенно повышает неопределенность хозяйственной жизни.

Центральным пунктом революционного экономического кризиса является бюджетный кризис, который остается актуальным на протяжении всего периода революции. Финансовый кризис выступает здесь прежде всего как кризис государственного бюджета, как неспособность государства финансировать свои расходы традиционными и легитимными способами.

Вопрос об источниках пополнения казны всегда был острее и для последнего предреволюционного режима, и для всех сменяющих друг друга правительств революции, и для после-революционной власти. С финансированием революции связаны самые острые коллизии внутренней и внешней политики. Не только контрибуции, реквизиции и новые налоги, но и меры по перераспределению собственности — национализация, приватизация, всевозможные конфискации — предопределялись в первую очередь поиском денег для революционной власти. Добавим к этому, что масштабная бумажно-денежная эмиссия как способ инфляционного финансирования государственного бюджета также стала открытием двух великих революций XVIII века (американской и французской).

Финансовый кризис революции проявляется в следующих основных формах.

Во-первых, падение сбора налогов и неспособность правительства применять силу государственного принуждения для

получения законных налогов. В результате власти или закрывают глаза на эту проблему, прибегая к нетрадиционным способам пополнения казны, или даже принимают официальные решения об отмене налогов, как это было во Франции в 1789–1791 годах, либо о снижении налогов, несмотря на бюджетный кризис, как это было в СССР в 1990–1991 годах. Естественно, причина таких решений связана прежде всего с поиском политической поддержки слабого правительства. Неудивительно, что в посткоммунистической России пики налоговых неплатежей совпадают с моментами наиболее резкого ослабления государственной власти (август–сентябрь 1993 года и зима 1995–1996 годов), когда со всей очевидностью вставал вопрос о ее способности выжить в течение ближайших месяцев.

Во-вторых, резко усиливается роль займов. В большинстве случаев это оказываются не обычные добровольные займы, а «добровольно-принудительные» или откровенно принудительные. Последние часто переходят в контрибуции, налагаемые на сторонников старого режима. Власти склонны идти на индивидуальные соглашения с налогоплательщиками или крупными финансистами, договариваясь об их вкладе в государственный бюджет. Хотя, разумеется, не всегда займы доступны революционному правительству (как это было в революционной Франции или большевистской России), однако, как правило, революционеры (даже на радикальной фазе) способны проводить внутренние и внешние заимствования, хотя и в сужающемся масштабе по мере продвижения революции вперед. Перестроечный СССР и посткоммунистическая Россия имели широкий доступ к заимствованиям (прежде всего внешним), и задолженность в этот период резко возросла (практически в пять раз за 1985–1997 годы). Параллельно нарастал и внутренний долг.

В-третьих, типичной для революций является та или иная форма дефолта по государственным обязательствам как способ разрыва с наследием прошлых режимов. Типичные примеры такого рода действий — отказ термидорианского правительства от уплаты 2/3 своего долга («банкротство двух третей»), а также отказ большевистского (то есть радикального) правительства платить по долгам прежних режимов. Россия осуществила дефолт по внутреннему долгу в 1998 году, однако продолжала скрупулезно выплачивать внешний долг. По сути, дефолт в этой ситуации становится способом преодоления бюджетных дисбалансов, признаком готовности власти встать на путь финансового оздоровления.

В-четвертых, широкое распространение получают неплатежи государства перед получателями бюджетных средств. Это

особенно характерно для завершающей фазы революций, когда правительство уже достаточно сильно, чтобы проводить ответственный финансовый курс, однако еще не имеет достаточного политического ресурса для формального балансирования бюджета (то есть для увеличения доходов до уровня бюджетных обязательств или официального снижения обязательств до уровня реальных доходов). Неплатежи, как было показано выше, были тяжелой проблемой посткоммунистической России, приближаясь к 40% ВВП. Неплатежи касались всех сфер экономической жизни страны: помимо бюджетных, значительных масштабов достигали налоговые неплатежи (в бюджет), задержки по выплате заработной платы (как в бюджетных, так и в частных предприятиях), задолженности предприятий друг перед другом.

По мере завершения революции и консолидации политического режима меры финансово-экономической стабилизации начинают приносить плоды, воспользоваться которыми, однако, удастся не тем, кто эти мероприятия осуществлял, а следующим правительствам: налоговые новации Долгого парламента и Протектората были вполне восприняты правительством Реставрации, а результаты стабилизационных мероприятий Директории в полной мере проявились при Наполеоне Бонапарте. Ослабление государства, его неспособность собирать налоги и заимствовать финансовые ресурсы на рынке заставляют власти прибегать к «нетрадиционным» (во всяком случае в условиях мирного времени) источникам пополнения своих доходов, и прежде всего к перераспределению собственности и бумажно-денежной эмиссии. Причем эти два экономических механизма революции не только не являются альтернативными, но, напротив, исторически тесно связаны друг с другом¹⁵. Ведь, как показывает опыт французского ассигната, перераспределяемая собственность может служить способом обеспечения бумажных денег.

Инфляционные механизмы финансирования революций хорошо изучены в экономической литературе¹⁶. Логика действий

15. Пожалуй, первым на эту связь указал Э. Бёрк. Он резко критиковал выпуск французских ассигнатов как «вопиющее поругание собственности и свободы», отмечая прежде всего перераспределительную функцию ассигнатов: «Союз банкротства и тирании во все времена и у всех народов редко являл столь грубое надругательство над кредитом, собственностью и свободой, каким стало принудительное введение в обращение бумажных денег». В бумажных деньгах Бёрк видел источник будущих кризисов и невозможности успеха французской революции, в отличие от английской. См.: Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М.: ВГБИЛ, 1993. С. 205, 216, 239–245.

16. См., напр.: Фалькнер С. А. Бумажные деньги французской революции (1789–1797). М.: Ред.-изд. отдел ВСНХ, 1919; Далин С. А. Инфляция в эпохи со-

правительств, прибегающих к бумажно-денежной эмиссии, достаточно проста. Революция оказывается в финансовой ловушке: доходная база бюджета разрушена, тогда как расходы революционной власти резко возрастают. Правительство прибегает к печатному станку, и количество денег все более отрывается от золотого обеспечения (или товарно-материальной базы). Деньги обесцениваются, что побуждает правительство применять стандартный набор насильственных действий: требование принимать денежные знаки по указанному на них номиналу, запрет на использование металлических денег, в том числе в качестве меры стоимости (для индексации цен), запрет на торговлю основными потребительскими товарами по рыночным ценам.

Столь же стандартна реакция на эти меры экономических агентов, которые даже под угрозой смертной казни (как это было в якобинской Франции) отказываются принимать подобные «правила игры». Высокая инфляция приводит к постепенному исчерпанию эмиссионного источника наполнения бюджета. Эмиссия, вызванная ограниченностью или отсутствием других средств финансирования, и прежде всего налогов, еще более подрывает налоговую базу, поэтому доля неинфляционных источников госбюджета по мере развития инфляционных процессов неуклонно снижается. Соответственно, количество бумажных денег в обращении увеличивается нарастающими темпами, все быстрее падает их стоимость.

Инфляционное финансирование бюджета было важным элементом российской экономической политики 1990-х годов. Хотя инфляцию удавалось сдерживать, она так и не переросла в гиперинфляцию и играла относительно меньшую роль в решении перераспределительных задач, чем собственно приватизация.

Перераспределение собственности является одним из важнейших механизмов решения революционными властями социально-экономических и политических проблем. Следуя декларациям политиков или рассуждениям экономистов, исследователи, как правило, склонны видеть в перераспределении собственности способ повышения эффективности экономической системы, внедрения новых, более эффективных форм хозяйствования. Именно это декларируют революционные правительства безотносительно к тому, идет ли речь о приватизации (как это было в революциях XVII и XVIII веков и конца XX столетия) или национализации. Однако о реальном повышении эффективности нельзя говорить до решения задач политической стабилизации и выхода страны из революции. Пока же на пе-

циальных революций. М.: Наука, 1983; *Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

редний план выходят две другие функции перераспределения собственности — укрепление политической базы (путем передачи собственности в руки поддерживающих власть политических и социальных групп) и получение дополнительных ресурсов в казну.

Для решения этих задач революционные правительства прошлого и настоящего использовали схожий набор механизмов, прежде всего выпуск ценных бумаг, обеспеченных перераспределяемой собственностью, которыми власти расплачивались по своим долгам. Результаты этих транзакций также понятны. В условиях политической неопределенности получатели подобного рода ценных бумаг отдавали предпочтение ликвидности и сбывали бумаги с большим дисконтом. Собственность концентрировалась в руках небольшого числа владельцев, которые к тому же получали ее по дешевке. Неудивительно, что среди новых приобретателей оказывались представители новой политической элиты.

* * *

Итак, предлагаемое нами понимание революции позволяет сделать ряд важных выводов. Прежде всего надо признать, что освобождение от коммунизма в большинстве стран Центральной и Восточной Европы вряд ли может рассматриваться как серия революций в строгом смысле этого слова. В подавляющем большинстве случаев общество и элита не были расколоты в отношении к базовым ценностям. Какими бы глубокими ни были их внутренние конфликты, все они стремились обрести место в объединенной Европе. Соответственно, власти не теряли контроль над социально-экономическими процессами.

Понимание революции как определенного механизма трансформации само по себе никак не облегчает задачу прогноза начала соответствующих преобразований. Неспособность специалистов предсказать близкий крах советского коммунизма является довольно типичной для аналогичных ситуаций в прошлом¹⁷. Но точно такие настроения господствовали незадолго до всех великих революций прошлого — от английской до большевистской. Не то чтобы никто не ожидал перемен — их наступление как бы носилось в воздухе, но никто не мог спрогнозировать механизм этих перемен, их стихийный, неконтролируемый властями характер.

17. В вышедшем в 1989 году втором издании книги Дж. Данна «Современные революции» говорится о невозможности революционной трансформации коммунистических стран. См.: *Dunn J. Modern Revolutions. 2nd Ed. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1989. P. 22.*

Существует одна особенность, отличающая российскую трансформацию рубежа 80–90-х годов XX века от других великих революций прошлого. По сути, мы имеем дело с первой полномасштабной революцией, происходящей в условиях кризиса индустриализма и перехода к постиндустриальному обществу в стране с подавляющим преобладанием городского населения, с высоким уровнем образования и культуры. При всех материальных проблемах уровень благосостояния россиян несопоставим с аналогичными показателями революций прошлого. Это накладывает существенный отпечаток на современную российскую трансформацию, хотя и не может изменить базовые характеристики революционного механизма.